

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Василий Лебедев

**УТРО
МОСКОВИИ**

Школьная библиотека (Детская литература)

Василий Лебедев

Утро Московии

Издательство «Детская литература»

1976

Лебедев В. А.

Утро Московии / В. А. Лебедев — Издательство «Детская литература», 1976 — (Школьная библиотека (Детская литература))

ISBN 978-5-08-004861-6

Роман Василия Алексеевича Лебедева посвящен России, русским людям в тяжелейший после Смутного времени период начала XVII века. События романа происходят в Великом Устюге и Москве. Жизнь людей разных сословий, их работа, быт описаны достоверно и очень красочно. Писатель рисует интереснейшие портреты крестьян, кузнецов, стрельцов, а также царя Михаила Романова, патриарха Филарета, членов Боярской думы, дьяков и стряпчих приказов. Главные герои книги – семья устюжан Виричевых, кузнецов-умельцев, часовых дел мастеров, трудолюбивых, талантливых и пытливых. Именно им выпала труднейшая задача – создать грандиозные часы с колоколами для боя на Флоровской (теперь Спасской) башне Кремля. Для среднего и старшего школьного возраста.

ISBN 978-5-08-004861-6

© Лебедев В. А., 1976
© Издательство «Детская литература», 1976

Содержание

От автора	6
Часть первая	7
Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	19
Глава 5	22
Глава 6	27
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Василий Алексеевич Лебедев Утро Московии

© Лебедев В. А., наследники, 1976

© Лаврухин Ю. Н., иллюстрации, 1976

© Поляков Д. В., рисунок на переплете, 2012

© Оформление серии. ОАО «Издательство «Детская литература», 2012

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

От автора

Начало XVII века явилось для России началом нового времени. Освободительная война 1612 года пробудила и вызвала к жизни все лучшее, что народ сохранил и пронес через века иноземного гнета. Национальное самосознание, чувство Родины и нелегкий, всеобъемлющий труд – вот источники жизненной силы русских людей.

Семья Виричевых из древнего русского города Устюга Великого – достойные представители своего народа. Это главные герои романа. Да кому же и быть героями, как не им? Ведь это они были призваны царем «на Москву», это они отлили, отковали и установили на Флоровской (ныне Спасской) башне Кремля первые бойные часы. Образы старика Виричева, его сына и внука, этих чудо-мастеров «часовой хитрости», не вымышлены автором. Эти люди жили четыре столетия назад, постигнув тонкую иноземную науку – часомерье. Суровая в отборе, но неизменно благодарная народная память сохранила нам их имена.

Рядом с Виричевыми на страницах книги живут и трудятся их современники: Андрей и Анна Ломовы, колокольных дел мастер Степан Мачехин, искусный мастер изразцовых плит Пчёлкин. Не может не тронуть читателя и судьба великого пушкаря Андрея Чохова, отлившего Царь-пушку.

Исторический роман «Утро Московии» – мост в прошлое. Пройти в это прошлое, отыскать в нем интересных людей, гордость земли нашей, услышать их язык, прикоснуться к их образу мыслей, вынести из глубины веков что-то важное и нужное для современности – вот главная задача, что стоит перед писателем-историком. Как решена эта задача в романе, судить тебе, дорогой читатель.

Часть первая

Глава 1

Лето в том году настроилось в Великом Устюге не сразу. С весны надолго загостились холода. По ночам даже в мае все еще прихватывали заморозки, днем зависали мелкие, как туман, дожди, а с Ледовитого моря накатывало и накатывало стьюлую сырость. Дороги на Тотьму, на Вологду разбились, разухабались, да и окрестные проселки размякли настолько, что если приходилось запрягать, то стыдно было мужику перед лошастью.

И вот в эту-то расквашенную пору, когда на дорогах ни ямщика, ни богомольца, когда вся жизнь города купнилась на высоком левом берегу Сухоны, во фряжском ряду¹, когда гостей ждали только с моря на кораблях иноземных, вдруг с другой стороны, из Москвы, прибыл начальный человек с грамотой. Крытая лосиными кожами ямская² колымага³ протащилась по Монастырской улице, свернула в переулочек, выехала на набережную и остановилась у воеводского дома.

Ни лошади, ни ямщик не шевелились в первые мгновения, все еще не веря, что это конец пути. Но вот медленно откинулся полог, и заалели атласными вершками стрелецкие шапки. Позванивая кривыми саблями, кряхтя, молясь и поругиваясь, стрельцы толкнули в спину ямщика и следом за ним тяжело спрыгнули на землю. Тут же показалась голова стряпчего⁴ Коровина. Трехнедельная дорога повытрясла из него московский жир: опал живот, щеки ямами ныряли под бороду, появились под глазами желтоватые мешки... Да-а, велика Русь, нелегка по ней дорога!..

«Вот он какой, Великий Устюг!» – думал стряпчий Коровин, держась одной рукой за поясницу, второй за колымагу, – он еще не доверял ослабевшим ногам.

За глухими заборами еще бухали собаки, растревоженные нежданной подводой, и все гуще становились грачиные стаи над просечной паутиной колокольных крестов. На набережной и в переулочке, как и по Монастырской улице, по которой они только что проехали, тянулись

¹ *Фряжский ряд* – иноземные лавки.

² *Ям* – почтовая станция в России XII–XVIII вв., где содержали разгонных ямских лошадей. Ямы располагались на расстоянии 43–53 км друг от друга.

³ *Колымага* – тяжелая закрытая четырехколесная повозка.

⁴ *Стряпчий* – в XVI–XVII в. придворный чин, чиновник приказа.

сплошные заборы, где зеленея, где серебрясь лишайником старых тесаных полубревен. Выходили из ворот посадские люди, с тревогой смотрели на приезжих, не снимая шапок.

– Ну, приехали! – оглянулся стряпчий на стрельцов.

Пока ямщик переговаривался с дворовым человеком через щель в заборе, стряпчий и двое стрельцов опальных повернулись в сторону Михайло-Архангельского монастыря и молились на высокий деревянный шатер соборной колокольни. Потом все трое – посыльный впереди, стрельцы следом – медленно прошли через отворенную для них калитку. В широкие тесовые ворота, шитые железом, была пропущена и колымага, так что враз набежавшая толпа устюжан уже ничего не могла увидеть. Мальчишки и молодые мужики, пошаркав обувкой по прошлогодней траве, вставали друг другу на плечи, заглядывали через плотный, утыканный сверху коваными гвоздями бревенчатый забор, но и они ничего не могли сообщить стоявшим на дороге. На дворе пусто – ямщик да грязная колымага с лошадью.

– Эй, Москва! Чего наехали? – кричали ямщику.

– Не войну ли в пристяжке⁵ привели?

– Эй! От государя или от владыки?

Но ямщик, обалдевший от тряски, не шевелил языком. Молча распрягал лошадей, в изнеможении уткнувшись головой в грязный круп лошади.

– Не внемлет, что порченой!

– Да не дознаться от него: приневоленной он, из Вологды! – подсказывали с дороги.

– Эй, яма! Ты порченой?

Но в ответ только залились собаки.

– Отстаньте от убогого!

– Ямщик-то убогой? – повторил кузнец Чагин. – Это ямщик-то убогой? Да он не сосчитать сколько рублёв⁶ царского жалованья ежегодно имать не устает!

– Да прогонных два алтына⁷! – крикнул дьячок Кузьма Постный.

– Это у них – «хлеб с маслом»! Это пускай! – махнул Чагин длинной ручищей.

– Это все ничего, – вмешался Степан Рыбак, раскосо кинув по толпе взглядом. Глаза его, татарской темью заволоченные еще в седьмом колене, когда предки Рыбака жили под Муромом, уставились в лицо Чагина. – Это ничего! Ямщики волей богаты! Волей! Ни податей, ни тягла⁸, ни мыта⁹ с земли не платят в казну.

– Смотрите! Смотрите! Покровец-то на лошади – дорогой! Вона как! – крикнул мальчишка, висевший на заборе.

В воеводских хоромах, в верхнем жилье, загудели голоса. Тотчас внизу, в подклети¹⁰, хлопнула дверь, и воеводский конюх Аким без шапки, в расстегнутом зипуне кинулся из калитки мимо набухавшей толпы.

– Акимка! Эй! – хотели остановить и расспросить его.

Но конюх скатился по скользкой круче берега, отвязал лодку и, борясь с течением, погнал ее на ту сторону.

– Стрельцов звать, – догадались в толпе.

В Дымковской слободе Аким нашел только троих стрельцов, остальные попрятались от неожиданной службы. Приплыли каждый на своей лодке – в шапках с алым заломом, в длин-

⁵ *Пристяжка* – лошадь, запряженная сбоку от оглобель для помощи коренной лошади.

⁶ *Рубль*. – На протяжении XVI–XVII вв. рубль составлял 100 копеек, но не чеканился, то есть оставался счетной единицей. Монет в один рубль не было.

⁷ *Алты́н* – старинная русская монета. В XVII в. составлял 3 копейки.

⁸ *Тягло* – налоги в пользу государства, которые несли тяглые люди – крестьяне и посадские люди – основная масса населения.

⁹ *Мы́то* – пошлина, таможенный сбор за провоз товаров; *мостовое мыто*, *мостови́нна* – пошлина за проезд по мосту.

¹⁰ *Подклеть* – нижний нежилой этаж деревянного или каменного дома.

ных, выцветших, залатанных кафтанах, – лениво поплелись вверх по берегу и только у самого дома воеводы прибавили шагу и расторопно заняли свои места. Двое – на воеводском крыльце, третий – у ворот. Потом пришел еще один, десятник, тоже с саблей, но вместо самопала он, как и положено десятнику, держал в руке новехонький протазан¹¹. Он закрывал свою лавку и был недоволен и своим опозданием, и неурочной службой, и толпой.

– Эй, десятник! Берендейка-то¹² у тебя поистлела! – с издевкой крикнул Рыбак, отступя как раз настолько, чтобы стрелец не достал его копьем.

Уже четвертый год стрельцы в Великом Устюге не получали царского жалованья. Ждали на Пасху денег или хотя бы по портищу¹³ законного сукна, но и его не пришло, а шить из покупного не повелось.

– А воротник-то у кафтана повис, как свиное ухо! – издевался Рыбак, подбоченясь. Он стоял в круглой, отороченной бараньим мехом шапке и в одной нательной однорядке¹⁴, но зато все еще не снимал зимние, на меху, порты.

– А ну разбредайтесь по избам! – не отвечая Степке Рыбаку, сразу на всех набросился десятник.

– Десятник! – вмешался Чагин. – Узнал бы лучше, чего нам ждать – лиха или добра, чем гнать-то нас.

– Ничего никому не ведомо! – ответил стрелец.

Он затравленно смотрел на Рыбака и толпу, стыдясь своего заношенного кафтана и злясь на тех, московских, присланных сюда на три года хоть и с опалой, но в столичном платье.

– Эй, десятник! Не пожалей серебра – тряхни калитой¹⁵ да купи у московских новый кафтан, вот и будешь, как петух, наряженный! – крикнул опять Рыбак, и толпа на этот раз поддержала его хохотом.

Стрельцу и самому понравилась эта мысль, но он ответил:

– Купить никому не заказано.

– Так чего же ты не купишь?

– Потому что не обычай тому есть и не повелось!

Второй стрелец молчал, сначала хмурился для порядка, а потом отставил свой бердыш¹⁶, прислоня его к забору, достал из кармана пригоршню глиняных петушков-свистулек и начал торговать по алтыну пяток.

А толпа все росла. Оставляли дело и подходили кузнецы, деревянного дела умельцы, косторезы, гончары, мастера серебряного дела, плотники, люди селитряных и серных промыслов, монастырские хлебопеки. От пристани хлынула толпа зевак, любителей пощупать иноземные товары. Робко подходили крестьяне окрестных деревень, пришедшие по неотложному делу поминок и крестин.

Со всех папертей как сдуло нищих. Завыли, запели юродивые. Мальчишки с гиканьем, свистом, увертываясь от подзатыльников, сновали повсюду, бросались грязью.

В воеводской подклети открылось волоковое окошко¹⁷ – отодвинули внутренний деревянный ставень, и сразу дохнуло на улицу вареным мясом, жареным луком, кореньями. Заскулили, завыли голодные собаки.

¹¹ *Протазан* – колющее оружие, разновидность копья. На древко длиной 2,5 м и более насаживался длинный широкий и плоский металлический наконечник.

¹² *Берендейка* – кожаный ремень, надетый через левое плечо, на котором висели принадлежности для зарядки ружья.

¹³ *По портищу* – по куску.

¹⁴ *Однорядка* – верхняя широкая долгополая женская и мужская одежда без воротника, с длинными рукавами, под которыми делались прорехи для рук.

¹⁵ *Калита* – кошелек.

¹⁶ *Бердыш* – старинный серповидный топор на длинном древке.

¹⁷ *Волоковое окошко*. – В русской избе снизу вырезали в двух смежных бревнах небольшое окошко и «заволакивали» его

– Обедать будут! – ошалело выдохнул дьячок Кузьма Постный, изо всех сил упираясь ногами, чтобы людская стена не накатила его на стрельцов.

А те уже заволновались:

– Куда жмешь! Куда!

– Разбредайся! – остервенело потрясал десятник протазаном, вновь замахиваясь на народ. – Заколю не на живот, а на смерть!

– Забоец! Перед людом – аки лев, а как на войне – так хуже козла! – закричал Кузьма.

Толпа захохотала и разом смолкла: в воеводских хоромах отворилось резное окошко – блеснула слюда на солнце, и показалась сначала рыжая борода воеводы, потом – голова и плечо. Малое окошко не давало пролезть тучной фигуре, но воевода изловчился – принагнулся, протиснулся, и вот уж зажелтели золоченые завязки кафтана.

– Эй, люди! В воскресенье, после обедни, будет вам сказан царский указ! Весь без утайки! Разбредайтесь по домам, а не то... – И убрался обратно тяжело, цепляясь воротником кафтана, руками за подоконник и косяки резного окошка.

Первым из толпы кинулся тюремный сторож Елисей; у него среди колодников сидел страшный разбойник Сидорка Лапоть. За сторожем заторопились лавочники – рядные сидельцы, кабатчики. С тяжелой думой возвращались к своим горнам кузнецы, и через несколько минут уже раздавались на Пушкарихе удары молотов, но основная масса осталась. Посадский народ, пригородные крестьяне и прочий тяглый люд, коих весна еще не привязала к делу, толпой двинулись по набережной, схлынули в переулок и направились к съезжей избе – расспросить избяных сидельцев.

Глава 2

Губные старосты¹⁸, увидев толпу, закрылись в избе вместе с подьячим Онисимом Зубаревым.

Кузьма Постный предводительствовал. Он первым взшел на крыльцо и постучал, но никто не отворил дверей.

– Да ты гораздо стучи!

Кузьма постучал сильнее, но никто внутри не подавал признаков жизни.

– Ничего, подождем. В нужник захотят – скоро выйдут! – подмигнул толпе Кузьма.

А в толпе только и разговору было, что о царском указе. Кто-то выкрикнул, что снова поднимается смута на Руси. Другой – что война. Предположения одного тут же перерастали в слухи многих, слухи походили на истину.

В это время Кузьма крикнул так, что сразу привлек к себе внимание:

– Польский король назвал себя государем всея Руси! Нашему государю претерпеть сего немочно!

– Владыко, патриарх, не желает их латынской веры! – тотчас поддержали Кузьму.

– Ну и чего? – спросил кузнец Чагин.

– А того, что государь теперь собирает под свою государеву руку все отчинные города свои, что были во владении Ивана Васильевича Грозного! А чтобы Литву и Шведа воевать, войско нужно многолюдно и оружно!

– Знамо, нужно: без войска не отгредишь! – крикнул Рыбак.

– Теперь по всей Руси снова пойдут людские поборы. А где войско? Дворяне стали малолюдны, пеши, неоружны и малопослушны, на них у царя-батюшки надежда худа.

– Ну и чего? – опять спросил Чагин, напряженно морща темный лоб, в черных накрапах отскочившей из-под молота окалины.

– А и того, что будут брать ныне по мужику с дыма!¹⁹

– По мужику с дыма! – охнула толпа.

И не было тут человека, у которого не дрогнула бы душа, да и не диво: уходить мужику от земли, уходить весной, когда самая работа, когда зима подчистила, подмела все сусеки, все сенники, когда изморенная за долгую зиму скотина стоит в ключьях не вылинявшей от бескормицы шерсти, ждет весны, суля человеку возрождение жизни, сытость.

– Этак всех христиан поберут – по мужику с дыма! – прогудел Чагин. – И все потому, что король царем нашим назвался? Да ну и пусть его!

Тут вывернулся к крыльцу Рыбак и, не поднимаясь на ступени, сказал, запрокинув голову:

– Нет, Чага, тут не в названии муть. Тут в другой воде каша заваривается...

– В какой воде? – спросил Чагин, набычась с крыльца.

– А вот в какой, люди добрые! – Рыбак поднялся на одну ступень и повернулся к народу: – Эй, Андрюха! В каком я году у тебя сёдла чинил, когда на Москву обоз наряжали? А?

– Да уж четырнадцать лет тому! – подумав, отозвался шорник²⁰.

¹⁸ *Губной староста*. – Слово «губа» в русском праве означало «волость» или «ведомство». Губной староста выбирался из дворян и детей боярских для суда по разбойным делам.

¹⁹ *По мужику с дыма* – здесь: с хозяйства.

²⁰ *Шорник* – специалист по изготовлению конной упряжи.

– Во! Как раз быть в тот год смуте. И вот пришли мы семужьим обозом на Москву. Только семгу в рядах раскупили – на тебе: царя убили! Такая гиль²¹ поднялась, что царев престол опрокинуло!

– Ну и чего? – спросил Чагин.

– А то, что неизвестно, кого убили!

– Известно: вора, – заметил Чагин. – Гришку Отрепьева!

– А ты там был? Не был, так и слушай. Я в тот час, когда его вытащили из Кремля, торговал напротив Никольских ворот. Как это началось, я и говорю мужикам: «Сворачивайте рогожи, везите рыбу за Земляной вал, не то все растащат!» Сказал, а сам – в толпу и вижу...

– Чего видишь? – спросил опять Чагин.

– А вот чего. Тащат за ногу того вора, положили на стол посреди площади, а к нему привязали ногу дружка, Басманова²², тоже покойника. Ну так... Боярин на коне подъехал, сунул в рот покойнику рожок. «Поиграй, – говорит, – такой-сякой!» И уехал. Народ потолкался да и поредел, а я подхожу поближе...

– Ну?... – Толпа качнулась к самому крыльцу и замерла.

– Подхожу и вижу: убили-то не царя!

– А кого же? – спросил Кузьма Постный.

– Не знаю кого, только не царя.

– А царь?

– А царь, видать, скрылся тогда.

– Постой, постой! – замахал руками Чагин, желавший, как всегда, полной ясности. – А как ты узнал, что там лежал не Дмитрий-царь?

– Этого только слепой не уразумел бы. Когда тот лежал на столе посередь площади, у него был волос нечесан, пальцы грязные и ногти длинные на ногах! А теперь, – сказал Рыбак, поразив всех своим рассказом, – теперь скажите мне: может быть у царя нечесаный волос, грязные пальцы и длинные, как у мужика, ногти?

– Не может! – твердо сказал Чагин.

– Так вот теперь и помыслите, люди добрые, кто снова идет своего маестату²³ требовать...

Дверь из съезжей избы приотворилась – выглянул подьячий Онисим Зубарев. Посмотрел, повел сизым, отмороженным ухом.

Стало тихо.

– Вы тут гиль-то не разводите! А ты, Рыбак, зело много знаешь... А ты, Кузьма, вместо молебствования гилевщикам прямишь?

– Я-а? – ощерился Кузьма. – Я – вот те крест святой! – за веру голову сложить готов! А вот ты, Онисим, через женитьбу на дочери воеводской ныне в съезжей избе сидишь, на всех сверху глядишь да своеволие творишь, яко татарин!

– Уймите его! – распахнул дверь Онисим. – Это я ли вам, православные, не прямил? Я ли не радею для вас?

– Верим тебе, Онисим! Верим!

Кузьму оттеснили и забыли о нем. Все потянулись к подьячему.

– Помогите нам, Онисим, век не забудем добра твоего! Скажи: чего нам делать, чего ждать?

Онисим Зубарев молчал. Всем казалось, что он обдумывает, что ответить, но он смотрел через головы людей в переулок, по которому бежал стрелецкий десятник. Не дожидаясь его, Зубарев повернулся с порога и громко сказал внутрь избы губным старостам:

²¹ Гиль – бунт.

²² Басма́нов Петр Федорович (?–1606) – боярин и воевода. 7 мая 1605 г. перешел на сторону Лжедмитрия и вошел в его правительство. 17 мая 1606 г., во время восстания москвичей, был убит.

²³ Маестат – трон.

– От воеводы бегут. Поторапливайтесь!

Подьячий Зубарев и трое губных старост торопливо заперли съезжую избу на висячий замок и прошли сквозь толпу.

– Онисим, нас не забудь, кормилец! – зывали вслед.

– В долгу не останемся! – крикнул Чагин.

Зубарев не оглянулся. По переулку еще несколько раз мелькнули стрельцы, конюх Аким и несколько человек воеводской дворни. Они стучали в дома дворян, стрелецких начальных людей, пятиконецких старост²⁴, в ворота монастырей – весь высший круг Великого Устюга созывался на обед к воеводе и на ознакомление с царским указом.

Толпа сиротливо притихла.

– И почто человека доброго разобидели?.. – вздохнул Чагин.

– Да, да. Пошел и отповеди не дал никакой, – с горечью поддержали из толпы.

– А чего с него толку! – поднял было голос Рыбак, но Чагин тотчас его перебил:

– А того, что он, может, и есть наш заступник. Ведь как ни крути, а он с воеводой в одной мыльне парится. Слово какое за нас, непутных, замолвит – глядишь, московский-то начальный человек и уедет подобру-поздорову ни с чем. Так ли я думаю?

– Так, Чага, так! – закричали вокруг.

– Кабы не обидели мы его, он помог бы нам все дурна избыть, а теперь...

– Слово не воробей... – тоскливо оправдывался Кузьма Постный.

– Православные! – неожиданно воодушевился Чагин, вскинув сразу обе руки вверх. – Хочу я положить думу свою на ваш суд.

– Молви, Чагин!

И Чагин заговорил:

– Православные, то, что мы сейчас полаялись немного с Онисимом, это ничего. Он от нас за это не отвернется, а вот поможет ли? Станет ли из-за нас перед воеводой шапку ломать? Станет! Только – не мне вас учить, православные, – сухая ложка рот дерет...

– Истинно, дерет! – тряхнул Кузьма головой.

– А посему и думаю я так: а не собрать ли нам всем-то миром рублёв с двести!

В толпе охнули.

– И не поднести ли нам эти рубли от всего мира – от города и от уезда – Онисиму? Дело-то, пожалуй, надежнее будет. А?

Ни одна голова не шелохнулась в толпе. Тугая, подводная тишина установилась у съезжей избы.

– Двести рублёв на всех раскинуть – помногу не ляжет! – разбудил толпу голос Чагина.

И все заговорили. Многосильным ульем загудели голоса. Ничего было не понять, но настроение этих взволнованных голосов было одно: лучше собрать рубли, чем отдать по человеку с дыма на рать.

– Так как положим? – приостановил гудение Чагин.

– Рубли большие... – несмело возразил кто-то.

– Да и нас немало! Вон ведь мы ежегодь тяглом и податью даем в казну о-го-го сколько!

– Ладно говориши, Чагин! – вдруг раздался несильный, но уверенный голос.

Кто это сказал, было не видно, однако человека этого узнали: говорил молодой кузнец Ломов Андрей, большой мастер мелких поковок и золотых и серебряных, при случае, дел и литья – мастер на все руки, исправный мужик. Ему пришлось немного податься вперед, и всем стало видно его узкое умное лицо.

– Ладно говориши, только скоро такие рубли не собрать, а дело не терпит.

²⁴ *Пятиконецкий староста* – староста части (конца) города. Древнее название старост Новгорода, где было пять концов.

– Занять надо! – протянул Чагин темную ладонь в сторону Ломова, будто хотел нащупать невысокую фигуру молодого кузнеца, ученика самого Виричева.

– Верно! Занять в монастыре Михайлы Архангела! – тотчас колыхнулась толпа.

– Истинно, занять! – поддал жару Кузьма Постный.

Но Чагин рассудительно заявил:

– Нет. В Михайло-Архангельском монахи нам не дадут, а и дадут, так под большой рост. Такое нам неспоро...

– В Троице-Гледенский надо послать выборных, там рост меньше! – сказал Андрей Ломов.

– В Троице-Гледенский и напровадить!

– Да скорей надоть!

– Истинно, скорей!

– Кого направим? – спросил Чагин.

– Ты, Чагин, куделю начесал – тебе и прясть!²⁵ – сказал Рыбак.

Чагин слегка опешил, но ему не дали времени опомниться:

– Тебе, тебе плыть в Троице-Гледенский монастырь!

– Ладно. Давайте выборных от мира, – согласился кузнец, не рассчитывавший на такую потерю дорогого времени.

– Возьми Андрюшку Ломова, Ивана Хабарова из посадских, да еще возьми крестьянина Ивана Погорельца, да Кузьму-дьячка, Постного...

– Не годен Кузьма на это дело! – тотчас выкрикнули из толпы. – Там, у монахов, к крестному целованию вас приводить будут, для покою христианского, а от него, от Кузьмы Постного, вонь идет на все на четыре стороны: он табак фряжский пить²⁶ пристрастился!

Дьячок Прокопьевской церкви побледнел, потряс бородашкой, но не возразил.

– Еще возьми Шумилу Виричева – вот кого! Иди, Шумила, с ними, твой батька решетку Царских врат ковал для монахов – тебе поверят!

– Послать бы еще соцкого²⁷ или выборных судеек! – предложил кто-то.

– Хватит Виричева Шумилы! – возразил Рыбак. – Его батьку во все храмовые праздники в Троице-Гледенском чуть не первым поминают о здравии!

– Надо поминать: врата Царские в церкви без платы выковал!

– Выборных домой не распускать: сразу ехать надо! – торопился Чагин. – Пошли к лодкам! От Дымковской слободы пеши пойдем: три версты²⁸ не ломовой путь. Пошли!

Шумила тронул Андрея Ломова за локоть, и приятели пошли по переулку к реке. Они немного отстали от выборных.

– Приходи ввечеру, покажу чего-нибудь, – чуть тронув тонкие губы улыбкой, пообещал Андрей Ломов.

– Домыслил! Тебя, как батьку моего, на часомерье²⁹ тянет.

– А тебя?

– А у меня чего-то терпенья пока не хватает, уж больно мелкое дело: пальцем не ухватишь.

– Привычка нужна, – добродушно заметил Андрей.

²⁵ *Кудёлю начесал – тебе и прясть!* – Куделю (пучок льна или шерсти) прядут на веретене, прикрепленном к прялке. Здесь образно: предложил дать взятку – тебе и собирать деньги.

²⁶ *Табак фряжский пить...* – В XVII в. кабатчики добавляли в вино и настойки для крепости табак, который привозили иноземцы – «фряги».

²⁷ *Соіцкый* – низший стрелецкий чин, выборный из крестьян на селе.

²⁸ *Верста* – старая русская мера длины, равная 1,06 км.

²⁹ *Часомерье* – изготовление часов.

Крупный высокий человек, Шумила Виричев почти совсем заслонял собой приятеля, шедшего чуть позади по весенней растоптанной грязи.

– Поторапливайтесь! – крикнул им Хабаров, обтопывая от грязи лапти и обтирая их о прошлогодний репейник, что рос на склоне берега.

А Чагин уже отвязывал лодку.

Глава 3

Весь конец зимы посадский человек Ждан Виричев прожил ожиданием какого-то несчастья. Он опасался то падежа лошади, то пожара, то чего-то еще, что неминуемо должно было случиться с ним или с семьей. В зимние ветровые ночи он тревожно прислушивался к скрипу старой березы, и не раз казалось ему, что вот она треснет, грохнется всей громадной тяжестью на крышу избенки, и тогда всем наступит конец... Днем он всматривался в лица сына и внука, не завелась ли в них какая болезнь или иное какое лихо, не высохли бы, не свернулись бы неожиданно-негаданно, как невестка. С кем тогда век свой доживать? Две дочери – те отрезанные ломти, далеко живут в замужестве – у города Тотьмы мужья соль ломают, – а с ним тут остались теперь внук да сын да предчувствие: не приключилось бы чего с ними... Но сын был здоров, хоть и неразговорчив после смерти жены. Внук? У того по молодости скорёхонько поразвезалось горе, и теперь, пока еще мал, не поставишь к горну, вот и бегаёт он с одноклассниками по Сухоне, глазеет на иноземные суда, что снова стали приставать по весне. А вчера носила его, Алешку, нелегкая с утра до ночи, далеко, видать, ходили и не без пользы: принес кусок железной руды.

«И где он ее промышлял, эту крицу³⁰?» – с интересом думал старик. Ему захотелось встать с печи и посмотреть руду, но было так рано, что ночь еще не успела переломиться к утру.

«Если он ходил на Рыжковское болото и там отрыл, тогда эту крицу я знаю, – размышлял старик. – А если он нашел в другом месте? Наверно, в другом: до Рыжкова тридцать пять верст – в один день не обернуться и на молодых ногах... Значит, носило его на Шемоксу. Там, по берегам этой реки, издавна сочатся ржавые ручьи – верный признак железа. Железо – кормление наше. Какое оно там?»

Уснул он на какой-то час, не больше, – от пристани на весь Великий Устюг громынула пушка. Старик поднял голову и понял, что еще один иноземный корабль пришел по Сухоне к Ледовитого моря. Год от года все больше их. Торговля идет бойкая. Купцы понаторили дорог сквозь леса – все ведут к великоустюжской пристани, к иноземным рядам. Разрастается город, набирают силу ремёсла. Держись, Архангельск, ничего, что ты у самых ледовых ворот!..

Раздумье о ремеслах в городе снова привело старика к мысли о руде. Он посмотрел с печи – окошко еле-еле замутилось. Скоро рассвет, велики ли весенние ночи на севере? Ждан Иваныч хотел по привычке полежать немного, обдумать дела на день, но все хозяйственные раздумья: о поправке сеника, дровах, об огороде, о предстоящем покосе, перекладке горна и починке мехов, – всегда приходившие в эти минуты пробуждения, сейчас уступили место находке внука. «Надо посмотреть!» – кончилось терпение у старика.

Он слез с печи, одернул рубаху и бесшумно вышел на середину избы. Было еще темно. Свет падал из двух маленьких оконцев, но не рассеивал глухого сумрака по углам, под лавками, в запечье. Ждан Иваныч повернулся к печи, отнял заслонку и разгреб поленом золу. Нащепанная лучина лежала тут же, на шестке. Он раздул уголь, зажег лучину и вставил ее в светец. Ажурное, в завитушках и лепестках, кованое железо светца осветилось пламенем. Первый уголек упал в лохань под светцом – цыкнул в воде. Сладко запахло дымом.

Ждан Иваныч посмотрел – не разбудил ли сына, но тот крепко спал на лавке. Широкое доброе лицо побагровело: жарко под овчинным тулупом. Светлые волосы просыпались на лоб. Одна рука, синяя жилами, выпала из-под тулупа, свесилась над полом, налитая молодой мужицкой силой. На чем останутся эти руки? На тяжелом молоте? На литье пушек, в котором и он, Ждан Виричев, знает толк? А может, его тоже захватит эта мелкая и трудная железодельная хитрость, полонившая многих кузнецов несколько лет назад? Конечно, куда как

³⁰ Крица – руда.

сладко сердцу мастера из куска железа соорудить не что-нибудь – часы на манер иноземных, а то и хитрее! Только чем в эту пору жить, если рынок требует простые поковки? А не станешь их делать, чем платить подати? Никогда еще кузнец Ждан Виричев не вставал за неуплату на правёж³¹, поэтому сначала грубое дело – ковши, замки, сабли, кресты, наконечники, – а часомерье урывками, для души.

Внук шевельнулся во сне под батькиным боком, ткнулся мягким мальчишеским носом в плечо отцу, выкинул, разомлевши, одну ногу на волю, засопел сладко – вот и весь его рай земной. Ждан Иваныч посмотрел на ногу внука – налёт ржавчины так и остался на коже – и окончательно убедился: мальчишка шел по ржавым ручьям, там искал и нашел крицу. Старик наклонился, потрогал тыльной стороной ладони тесаное бревно стены – не дует ли от пазов в спину последыша. Не дует: за десятки лет плотно слежался мох в пазах.

Лучина догорала. Ее древний волшебный свет красно-бархатными пятнами ложился на широкие половицы, на саженную³² широту печи, на порог, на лохань около него, ухваты в углу, прокопченные глиняные кринки, на охапку дров... Старик с трудом разогнулся, отошел от лавки, держась за поясницу.

Кусок руды лежал на шестке. Он был неровен, но чист: видать, Алешка не раз промывал его, а потом тащил под рубахой. По весу в куске было фунта³³ полтора, а поскольку он свободно умещался на ладони, значило, что эта руда большой чистоты. «Вот бы дал Бог удачу!» – взволнованно подумал старый кузнец. Он нашел на лавке свою однорядку, торопливо надел ее поверх рубахи, насунул у порога лапти и без шапки – завалилась куда-то – заторопился в кузницу.

На дворе было тихо, но тепла не было. За ночь слегка подморозило, и грязь у крыльца, схваченная коркой, тонко похрустывала, вяло проминаясь под ногами. В небе допорхивали в свой последний, предрассветный час звезды, а в городе уже просыпались посадские: пахло дымом, в мызе³⁴ Кузнецкой улицы кто-то стучал по наковальне. «Андрюшка наверстывает», – подумал Ждан Иваныч о своем ученике, теперь уже большом мастере, самостоятельном человеке.

Кузница стояла в углу двора, на отшибе от всех остальных построек. Внутри еще держалось тепло от вечерней работы. Угли – только стоило их шевельнуть да дохнуть мехами – засветились, заалели. В лицо, на грудь, на руки полилось знакомое тепло, и свет, розовый и таинственный свет, наполнил прокопченную кузницу. Чтобы избежать пожара, она была сложена без мха, но щелявила пазами лишь в одном месте – с дневной, солнечной стороны, где повело бревно. Все стены, от пола до крыши, поскольку потолка не было, обмазаны глиной, стропила и крышевый подтоварник-опалубка³⁵ – тоже, а сверху был положен дерн. На высоких топчанах, намертво приделанных к стенам, лежали откованные топоры, серпы, лопаты, большие амбарные личины, замки, носовые кольца для быков, наконечники для стрел и Протазанов. По стенам висели уже насаженные косы, в углу грудились железные шины для колес, а рядом, головками вверх, уже готовые к продаже, – на новых древках, – стояли ухваты и сковородники. «Кормилица...» – окинув все это взглядом, подумал старик.

Угли разгорелись в полную силу. Ждан Иваныч бросил в них руду, поправил щипцами, подкинул угля и надал еще воздуху. «Дал бы Бог удачу!» – подумал он, еще боясь радоваться, дабы не спугнуть неожиданно поманившее счастье. Он волновался и то приседал на широкий почерневший пень около наковальни, то вскакивал, будто молодой, поправлял кусок руды, под-

³¹ *Правёж* (от др.-рус. «править» – «взыскивать») – принуждение ответчика к уплате долга, соединенное с понудительным средством – битьем багогами.

³² *Сажень* – старая русская мера длины, равная 2,13 м.

³³ *Фунт* – старая русская мера веса, равная 409,5 г.

³⁴ *Мыза* – нижняя часть улицы.

³⁵ *Подтоварник-опалубка* – доски с сучьями, обмазанные глиной.

гребал к нему угли и всякий раз подкачивал воздух. Наконец наступил решительный момент: руда и угли почти слились в один бело-розовый цвет. Теперь нужны руки кузнеца. Он надел толстый, грубого тканья передник, приготовил небольшую – для одной руки – кувалду и достал щипцами раскаленный добела кусок руды.

– Ах! – только и успел вымолвить он, но руки, опережая слова и мысли, заработали привычно и споро.

В ноздри пахло знакомым запахом окалины. Она отскакивала под ударами кувалды, и вместе с ней отделялся ненужный шлак. Обстукав для начала немного, он бросил руду в горн во второй раз. Теперь она нагрелась в углях быстро, а он так же споро обработал ее вторично, превращая то в лепешку, то в ком, то в удлиненную болванку. Так несколько раз он нагревал и оббивал руду, и с каждым разом ненужные примеси отходили от металла, а сам он уплотнялся, тяжелел, но не рассыпался и не терял заветной ковкости.

«Теперь мы озолотимся! Теперь от заказов отбою не будет!»

Сердце старого кузнеца не обманулось в ожидании, а глаз и руки скоро подтвердили, что находка младшего Виричева – богатство. Закончив обработку, Ждан Иваныч, ради редкого старческого баловства и радости, выковал, обгранил кусок металла в ровную пирамиду.

«Теперь мы озолотимся! Теперь от заказов отбою не будет!» Старик швырнул пирамиду на землю, а сам сел на пень и ждал, когда остынет поковка. В воду он не опускал металл намеренно, чтобы показать его Шумиле в обычном виде, незакаленном.

Неторопливо и торжественно вышел он из кузницы, и еще одна радость, вторая за это утро, – алая весенняя заря, – празднично и домовито вошла в его душу. Он глянул, как разливается над городом свет нового дня, и вдруг понял, что все опасения, все предчувствия, сосавшие его в минувшую зиму, были напрасными, что все в этом мире прочно, пока живы на свете они, кузнецы.

Глава 4

Шумила проснулся от того, что Алешка двинул ему во сне острым локтем в бок. «Ишь растолкался, как теленок!» – ласково подумал отец. Тут же он услышал приглушенное постукивание и сразу узнал руку старика. Подивился: что это он в такую рань?..

В слюдяное оконце сочился слабый зоревой свет. Закоптела за зиму слюда, пожелтела. Надо бы сменить, да что-то давно не было торговых гостей из карельских мест. Там, знает Шумила, есть мягкие скалы, а в них полно напластовано этой слюды. По дешевке отдают...

Шумила еще полежал минуточку-другую, вспоминая, как они ездили накануне в монастырь за деньгами, как подносили подьячему Онисиму деньги эти, а потом... Тут Шумила просветлел лицом. Потом он сидел допоздна у Ломовых. Пил квас – ковш за ковшом – и не мог напиться, потому что подавала сама Анна...

Издали донесся удар колокола, и поплыл, и потек поутру звон над Сухоной.

«В Троице-Гледенском звонят. Вставать надобно, к лошади выйти да солений достать, что ли...» – толкнула его обычная утренняя забота, ставшая постоянной после смерти жены.

Шумила умывался над лоханью у порога, когда вошел отец, прямо в переднике и с куском железа в руке.

– Что за диковину ты выковал? – Шумила придержал глиняный кувшин, качнувшийся на веревке, вытерся широким льняным полотенцем.

– Полюбуйся да подивись! – весело ответил Ждан Иваныч.

Шумила забросил убрус³⁶ на шест под потолком, долил из ушата в кувшин воды для отца и только потом степенно принял пирамидку.

– Никак, ты треугольномерием занялся? – сощурился он на изделие карим глазом. – А ничего, кажись...

– Доброе.

Шумила внимательно осмотрел кусок, потрогал теплый металл ногтем, прикинул на вес, рассматривал осадку под ударами молота – не разошлось ли, нет ли трещин – и тоже заключил с уверенностью:

– Доброе. Это из Олешкиной крицы?

– Он, озорник, – ласково улыбнулся старик.

Оба посмотрели на спящего Алешку.

– Недаром брюхо у него расцарапано, – вспомнил Шумила. Он повертел железо и уже озабоченно спросил: – К закалке не приводил?

– Не успел. Обрадовался, аки ребенок. Добрища-то, смекнул, не упустить бы! Надо спешно узнать, где отрыл.

– На Шемоксе, видать. В Рыжковском болоте нет такой крицы... А вот сейчас разузнаем!

Шумила шагнул к лавке, отвалил тулуп, пахнувший овчиной, теплом. Алешка спал на просторе, откинув руку, как большой. Шумила дернул его за подбородок, наклонился так, что круглая плотная борода мазнула парнишку по губам, и, не успев тот опомниться спросонья, поднес ему железную пирамиду.

– Где брал?

Парнишка сразу понял, что это выковано из его крицы.

– Где брал, там еще есть... А чего меня не позвали в кузницу?

– А может, ты с иноземного судна уволок? – нахмурился Шумила, не обращая внимания на обиду сына. – Смотри, Олешка, здорову не быть!

– Да мы по Шемоксе шастали. Оттуда.

³⁶ Убрус – здесь: полотенце.

Ждан Иваныч снял передник, подошел, горбятясь сухой спиной над лавкой.

– А много там?

– Много ли? Да много, должно... – почесал затылок Алешка, подражая батькиной степенности.

– Это не там, где мы в летошний сенокос лошадей поили?

– Много дальше.

Ждан Иваныч переглянулся с Шумилой.

– Надо ехать, а то как бы кто не опередил...

– Надо, – тотчас согласился Шумила и, поняв старика, спросил сына: – А ты с кем промышлял там?

– Дак Санька Чагин, да Семка Дежнёв, да я, да и всё.

– Та-ак... – насутился старик. – Дежнёвы скоро не соберутся: сам Дежнёв до ледостава с головой ушел в торговлю с иноземцем, а вот Чагины...

– Вчера Чагин торопился, но ни словом не обмолвился про крицу, – вспомнил Шумила.

– Не знал еще: парнишки-то за полночь приволоклись.

Помолчали, прислушиваясь к колокольному перезвону. Колоколу Троице-Гледенского монастыря вторили теперь с колокольни Прокопьевской церкви, но звон этот был сегодня неровный, немощный, видно, звонарь Никита засиделся вчера вместе с дьячком этой церкви, Кузьмой Постным, в царевом кабаке... Нет, не тот звон. Хорошо еще, прячет Никиту звонарь Михайло-Архангельского – покрывает непутевое позвякивание могучим звоном соборного колокола.

– Вставай, Олешка. Молодец ты! – оторвался от дум старик и отошел к порогу мыть руки.

Шумила ничего не сказал сыну, только ласково стукнул ему по затылку. Парнишка воспрянул от этой похвалы, выпростался из-под тулупа, весело кинулся на двор.

– Дверь-то, озорник!

Шумила убрал тулуп, поправил смятый по лавочник – последнее тканье жены. Отошел к печке, задумался. Не хотелось разводиться огонь, возиться с горшками, кринками.

– Позавтракаем без варева? – посмотрел он на отца с мольбой.

– Можно и без варева... – согласился тот, в который раз покоряясь судьбе вдовцов.

Пора бы, думалось ему в такие минуты, присмотреться Шумиле к кому-нибудь. Уж не такие они, Виричевы, захудалые люди, чтобы не выбрать невесту. Не он первый, не он последний...

За столом Ждан Иваныч нарезал хлеб, размял пальцами сырую, схватившуюся коркой соль, что присохла к широкой деревянной солонице, обдул ложки. Шумила достал из подвала кислой капусты, принес со двора теплых яиц. Он же послал Алешку на чердак, и мальчишка безошибочно сдернул со стропилины самую крупную щуку легкого, весеннего посола. Рыбой занялся старик. Он ловко располовинил ее сначала вдоль с хвоста до головы, потом каждую половину разрезал на три части, перекрестился и разрешил приступать.

– А в навечерии немец³⁷ плакал на пристани, – сказал Алешка, раздирая куски щуки на продольные волокна.

– Обидели, что ли? – удивился дед.

Алешка пожал плечами.

– Никто обиды не чинил, – уточнил Шумила и пояснил: – Это Пчёлкин, гончар, купил в прошлую весну у этих самых немцев одну-единую плитку, не как у нас делали, а гладкую, синюю. Такой плиткой у игумена печь выложена – дорого стоила!

– Ну и что? – спросил отец.

³⁷ *Немец* – на Руси так называли всех иностранцев, то есть «немой», не говорит по-русски.

– Ну а нынче немец навез этой плитки полный корабль, аж просел чуть не до самых бортов. Разложил вчера, а у него никто не берет: ни стрелецкий голова, ни губной староста. А купец Дежнёв прямо сказал бедняге через толмача: «Пропала, – говорит, – твоя выгода, потому как Пчёлкин навострился эти плитки делать лучше ваших. Сам воевода, – говорит, – брал у него на печь и хвалил».

– Вон оно как... А Пчёлкин и верно навострился. Всю зиму мудрил, а под Пасху четыре воза продал: и белой, и голубой, и желтенькую смудрил – башка!..

– А немец-то не в веру это принял. «У вас, – говорит, – заговор против нас, галанцев³⁸, потому и не покупаете наши плитки». А Дежнёв-то крутой мужик. «Ах, – говорит, – латынская ты образина, пойдя к этому гончару да сам погляди!»

– И пошел?

– Пошел. Подивился, а ввечеру пьянехонького видали, в своем фряжском ряду лежал – с горя, должно...

– Горе не мало. Великое горе. Ледовитым морем плыл, страх терпел, в Михайло-Архангельском городе мыто платил, а приехал сюда – не берут. Заплачешь... Олешка, квасу нацеди!

Алешка выскочил из-за стола. За печью стояла бочка с квасом, укрепленная на высоком чурбане, покрытая деревянной крышкой, на крышке стоял большой кувшин с двумя ручками. Алешка поставил его на пол, заглянул внутрь – нет ли там, как в прошлый раз, мышонка, – осторожно повывернул тычку и нацедил полный кувшин. Поднял его перед собой, высунув от натуги язык, и заторопился к столу – скорей послушать, о чем толкуют старшие.

– А поведай-ко, как вы в навечерии поднесли Онисиму такой большой посул³⁹? – спросил Ждан Иваныч.

Шумила, верный своей привычке, сначала неторопливо налил квасу в деревянные кружки, отхлебнул из своей.

– Посул в открытую никак не брал Онисим, – сказал Шумила, обтирая ладонью бороду.

– Надо думать: Москва наехала! – кивнул старик.

– То-то и оно! Охота ли в опале быть да кнута получать? Вот тут-то Чагин и надумал: притащил семгу большенную, летошнего посла, набили ей брюхо монетами – все двести рублей легли, – зашили ниткой смолевой да и поднесли.

– Взял?

– Взял и не вспыхнул. Теперь дело сделано. Онисим – мужик податной, потому оборонить нас вознамерился.

Ничего не ответил на это старик. Молча жевал жесткое соленое щучье мясо. И верилось, и не верилось в эти слова: уж больно много видел обмана на своем веку.

После завтрака в кузницу не пошли. Ждан Иваныч наказал сыну и внуку готовиться к отъезду на Шемоксу: закупить хлеба дня на три в монастырской лавке, увязать соленья. Особо наказал проверить насадку заступов, кованных по осени из рыжковской крицы.

– А ты куда? – остановил его Шумила.

– Пойду покажу новое железо Ондрышке Ломову – от него у нас секретов нет, – то-то обрадуется!

– Давай я схожу попроворней... – несмело предложил Шумила.

Но старик давно понимал его и решил впервые ответить наставительно:

– Нет, Шумилушка, почто на грех наступать? Квас у нас и дома есть...

Ждан Иваныч хотел не только показать новое железо своему ученику, хотелось ему еще и повидаться, и поговорить, хотелось взглянуть на новые поделки: Андрей Ломов постоянно выдумывает разные железные поделки, нет ли и сегодня какого дивья кузнецкой хитрости?

³⁸ *Галайцы* – искаж. голландцы.

³⁹ *Посул* – взятка.

Глава 5

Изба Ломовых стояла в низине, у ручья. Соломенная завалина – от земли до дерновой крыши, – выложенная на зиму от холодов, до сих пор еще не была убрана. «Занят часомерьем, а избу спарит... – подумал Ждан Иваныч. – Теперь он и на огне не отступится от этого дела – так вклевался в зубчики-колесики, не хуже меня, старого...»

В пещерной тьме завалинных проемов, в самой их глубине, слабо блеснула слюда двух окошек. Качнулась внутри чья-то тень. Толстенный тополь кривил голые, но уже по-весеннему пахучие ветки над самым свесом дерновой крыши.

Немногие из большой семьи Ломовых жили теперь вместе. Двое старших братьев Андрея были убиты в Смутное время, когда неожиданно и неведомо как нагрянули набегом в эти отдаленные места казаки и черкесы. Пожгли, побили, как татары, а потом сами полегли где-то в заонежских погостах. Пропала с ними и сестра Андрея, которую забрали с собой казаки. Еще две сестры жили замужем тут же, в Устюге. Третий брат промышлял уже который год рыбий зуб⁴⁰, давно не появляясь в семье. Младшая сестра жила тут. Жива была и мать. Отец умер.

Сейчас дома были не все. Мать и сестра ушли на двор к скотине. Андрей один сидел на лавке у самого окошка за широким длинным столом и обтачивал какие-то шпильки на камне. Его тесть, больной старик, еще ни разу в этом году не выходивший на улицу, лежал на печи – не верил пока в тепло. В люльке, подвешенной на шесте под потолком, потихоньку попискивал ребенок. Это был второй сын Андрея, первый умер в прошлую зиму.

– Мир дому сему! – помолвившись на темную доску иконы в красном углу, поклонился Ждан Иваныч.

– Милости просим! – улыбнулся Андрей, но не встал, не оторвался от дела, только крикнул: – Анна!

Неслышно вошла Анна, жена Андрея. Всегда она так ходит, неслышно. Сама дородная, а ступает легко, будто лебедь плывет, и не от боязни, что в чужой семье – к этому уж привыкла! – это от породы своей лебединой. Вышла, поклонилась, легко выпрямилась, а взглянула – синью глаз окатила.

– Милости просим! – еще раз низко поклонилась она и улыбнулась гостю.

И улыбка не прошла мимо глаз Ждана Иваныча. Всегда он смотрел на ее белые зубы да радовался за Андрея, а теперь вот неспокоен стал за Шумилу. «От такой голова кружится у старика, а что делается со вдовым мужиком? – тревожно думалось Ждану Иванычу. – Вот и в навечерии тут, наверно, сидел, на Анну зарился...»

– Садись, дядя Ждан! – пригласила Анна к столу, проворно поправив полавочник.

Старик прошел, сел на лавку.

Анна принесла квасу в большой братине⁴¹. Посмотрела на мужа, выждала, когда взглянет, и ушла, оставила их вдвоем.

– Долгонько вы хороводились с онисимовским посулом, – заметил старик с хитринкой и услышал в ответ то, что ожидал и чего опасался:

– Засветло управились, а засиделись у нас. Пей квас-то! Вчера Шумила пил да больно хвалил.

«Так и есть! Анна подносила, а он пил да зарился на нее... Нескладно».

Андрей, небольшой, худощавый, быстрый в движениях, совсем не был похож на кузнеца. Ему словно сама судьба повелела заниматься делом тонким, каким было часомерье или серебряное. Серьги своей Анне он такие выкрутил из серебряной нити, что сколько есть соседок

⁴⁰ *Рыбий зуб* – клык моржа, редкий и дорогой вид сырья для косторезов.

⁴¹ *Братина* – сосуд для питья.

– все просили-кланялись сделать такие же, да Анна не велит. Ловкий мастер! А кузнечному делу он учился у Ждана Иваныча. Пристрастился к железу еще с малых лет. Днями торчали вместе с Шумилой у горна, все кузницы на Пушкарихе обошли, кто как работает высматривали, а подросли – сами к горну прилипли. Когда несколько лет назад пришлось прикоснуться к часомерью, все пригудилось.

Квас действительно был хорош. Такого квасу давно не пил Ждан Иваныч, с того, пожалуй, времени, как умерла у него старуха. Вот мастерица была! И меды варить умела славные – не бражные и пряные.

– Монахи уперлись было, а потом смиростивились – признали в Шумиле твою породу. Заставили крест целовать да деньги отсчитывать, скряги...

Андрей не отрывался от дела, лишь косил глазом на старика. Тот молча потягивал квас – хорошо после соленой-то сухой шуки!

– Кабы не было Шумилы, большая бы помешка вышла, тут надо бы было поруку крепкую искать.

Старику было приятно слышать, что его почитают в монастыре. Почитают не за молитвы, не за богатые дары во спасение души, а за мудреный кузнечный труд – за витое кружево церковных Царских ворот.

– По сколько станете собирать?

– По полтине⁴² с дыма, так порешили. А если останется лишнее, для мирских нужд прибережем.

И все же разговор шел несерьезный. Говорили о делах почти обычных, повседневных, а на душе у каждого было одно и то же – указ. И хоть собрали деньги и отдали их подьячему, но все равно червем шевелилось, сосало сомнение: что-то там, в указе, уготовано?

– А ведь я к тебе с радостью великой, – улыбаясь через силу, сказал Ждан Иваныч.

Андрей оторвался от дела, положил часовые оси-шпильки в берестяной бурачок⁴³.

– Порадуй, коль так.

– Олешка крицу добрую нашел.

– Где сведал?

– Да ровно бы на Шемоксе. Хорошая крица! Знатное железо выколачивается. А если выплавить... На вот, полюбуйся.

Он вынул пирамиду из рогожи, протянул ученику. Андрей долго вертел в руках пирамиду, пробовал железо и молотком, и ногтем, и на зуб прикинул, еще раз ударил молотком и осмотрел метку.

– Богатая крица! – радостно заключил он. – А ты еще злобился на внука, что носит его нечистая по всему Засухонью. Еще не пробовал закалить?

– Не успел. Надо торопиться, – где эта крица, сколько ее, – да поживей, а не то за смертную досаду станет, коль перехватит кто. Поедем с нами? У нас от тебя секретов нет.

– Да поехать-то и надо бы...

– Ну?

– Да двух дел в одну руку не возьмешь: сегодня рубли собирать надобно. Чагин шумел, скорее чтоб! До воскресенья, до указу то есть, собрать полностью порешили и монахам отдать – на том и крест целовали. Поезжай один.

– Ну, тогда на лошади и тащиться не для чего. Так пойдем, пеши. Посмотрим, может, там и нет ничего. Олешка-то с Дежнёвым Семкой бегал, а тот известный вертопрах, только бы и носило его из края в край. То одного сманит к морю, то другого в лес, то один под Вологду

⁴² *Полтина* – в XVII в. была счетной единицей, составляла полрубля – 50 копеек. Единственной серебряной монетой была копейка, весившая 0,42 г.

⁴³ *Бурачок* – шкатулка, коробочка, ларец.

уплывет, то за Тотьмой объявится. Батько-то – мужик степенной, уж он ли не норовил его пороть, а все толку мало. Такой уж уродился. Вот и думай: может, и крицу-то нашли совсем в другом месте, верь им! Нет, надо, пожалуй, пока так осмотреться, пеши.

На печи зашевелился тесть Андрея, больной старик, взятый из семьи брата Анны (большая там семья, много нахлебников). Проснулся – голоса услышал, хоть и глуховатой.

Лет тридцать с лишним назад, еще при Иване Грозном, заявился он в Великий Устюг вольным человеком и определился в посадские, хоть и числился ранее в помещичьих холопах. А случилось обычное дело: помещик захудал на неважных землях, не на что стало ему поставлять в цареву войско людей своих, конных и оружных. Пошебаршил, полютовал, да разве кнутом рожь посеешь? Наконец перед дворянским смотром взял да и сбежал куда-то. Говорили, будто бы подался за Камень⁴⁴. Другие рассказывали, что ушел их помещик со всей рухлядью⁴⁵ во Владимир и стал там торговым человеком. Третьи божились, что видели его в Москве не то в стрелецкой сотне, не то даже в Стремянном полку. Но как бы там ни было, а холопы его разбрелись по Руси, и еще несколько деревень остались пустовать на великих просторах.

– Ждан, это ты? – высунулся старик с печи.

– Я, Григорий. Как здоровье? Не пора ли тебе с печи-то слезать?

– Чего в народе-то говорят? – спросил старик, не ответив на вопрос. – Не опять ли паренек Димитрий идет маестату своего требовать? А? Не слышу!

– Указ царев говорить будут! – громко ответил Ждан Иваныч. – Да тебе-то он зачем? Тебе бы скорей на солнышко выползти!

– Вот я и мыслю так: жив Димитрий-паренек! Ангельскую душку Богородица загубить не даст. Вот он и идет опять, войско ведет.

– Ты помалкивай, дед! – остановил его крамольные речи Андрей, он даже приподнял бороду в сторону печи, наставя ее на старика.

– Все молвят, что Борис-царь зарезал его. Все-е...

– Слышишь, старый?! – еще громче крикнул Андрей. – А не то не посмотрят, что ты глухой, вздернут на дыбу, и будешь висеть!

Анна неслышно выплыла из-за печки и подала отцу кружку квасу. Старик торопливо выпил, выплеснул остатки в лохань (точно попал – наострился за зиму) и забыл, о чем только что говорил с мужиками.

Андрей повернулся к учителю:

– Не слышал, нет ли у немцев на пристани меди в листах или в полосах? Хочу благозвучные пластины поставить в часах.

– Дело... А еще лучше вылить малюсенькие колокольца – малинов звон устроится. А молоточек-то на валик посади, тоже медяной, смекай!

– Ага! А молоточек горошиной или чекмарем⁴⁶ сделати?

– Горошиной ладней будет, ее как ни поверни – она все горошина и есть, а чекмарь краем заденет, как гвоздем торнет. – Старик погладил бороду. – Не знаю, есть ли у них ноне такая медь. А если нет такой, купи пуговиц медных – та же медь!

– Уразумел! – Андрей снова высыпал железную часовую мелочь на стол и принялся дотачивать будущий валик.

– В резьбе не ошибись! – предупредил его учитель. – Наметь покудова по срезу, а потом метки все по одной вдоль вала протянешь. Семь раз померь... Смекай! А нет – выпроси у немцев, взгляни, как там сделано, тут нечего стеснение разводить, тут не в девичьем хороводе.

⁴⁴ Камень – Уральские горы.

⁴⁵ Рухлядь – имущество, добро.

⁴⁶ Чекмарь – деревянный молоток, колотушка.

Андрей снова почувствовал себя учеником и только согласно кивал, по-прежнему не отрываясь от дела.

– Когда пойдут? – спросил Ждан Иваныч про часы.

– К Покрову управлюсь.

– Давно мытаришь эти колеса. Давно-о! А на подати есть ли поделки? Нет? А с чем же в ряду стоять?

– Да вот еще недельку посижу с часомерьем и примусь, – виновато улыбнулся Андрей.

Ждан Иваныч придвинул к себе отлитые, нарубленные, откованные заготовки для часов. «Толково!» – подумал он.

Несколько лет назад прибыло в Великий Устюг голландское судно. Кроме разных диковин торговые гости привезли и часы. Это чудо – дорогое и красивое – купил у них воевода. А когда воеводу за недобрые дела в Москву призвали, в приказ, решил он, что все несчастье от этих часов, да и продал их купцу Семёркину. И все бы хорошо, но Семёркин надумал в Троицу пойти на кладбище с часами. Пошел, напился и ударил их о паперть кладбищенской церквухи. Остановились часы. Потосковал купец с неделю, а потом принес их к Ждану Виричеву.

Тот посмотрел, подивился – впервые видел такую машину, – а потом по привычке, разобравшись и принялся чинить. До самого Нового года, до первого сентября, провозился с часами, да и потом раз десять ходил к Семёркину, всматривался. А потом то у одного купца, то у другого, то у игумена стали появляться часы. Чинить носили к Виричевым. Немалое время утекло за этим тонким делом, а отказать Ждан кому не смел, кому не мог, а больше всего себе не мог – так пристрастился к этому делу. А до прошлой зимы сам, впервые в жизни, сотворил часы, да столько прокатил на них времени, что засел в долгах, и потом продал вологодскому купцу.

Ждан Иваныч смотрел на Андрея и понимал его страсть – у самого было такое! – и догадывался, что влетит мужик в долги, пойдет кланяться Семёркину или татарину. И Андрей будто понимал учителя – блеснет на него серым глазом и снова уткнется в камень.

– Кто-то бежит! Никак, Олешенька ваш? – сообщила Анна, высмотревшая кого-то в окошке.

В избу, пожарно громыхнув дверью, так что дернулся на печи старик, влетел Алешка.

– Деда! Тебя к воеводе! Скоро надо! – чуть не плача, выпалил он, повиснув на скобке двери.

Ждан Иваныч не шевельнулся. Подумал минуту, посматривая на люльку, где заворочался и закричал ребенок. Перевел взгляд на Андрея.

– Правёж? – спросил тот.

– Не должнó. Я скоро все подати выложу.

– Может, кто лиха какого на тебя навел?

– Ни перед кем не грешен.

– Тогда никакого несчастья не сделается.

Андрей произнес эти слова неуверенно, и потому, должно быть, ни у кого не блеснула в глазах надежда, не вырвалось вздоха облегчения.

Старик с печи высунулся опять. Присмотрелся к лицам, понял – неладное – и приложил ладонь к уху.

– Деда, скорей: стрелец ругается!

Ждан Иваныч медленно поднялся с лавки, одернул однорядку и вышел на середину избы. Там остановился, повернулся к иконе и положил три легких поклона.

Анна всхлипнула и отошла в запечье. Андрей торопливо, будто только опомнившись, собирал свои железные поделки.

– Олешка, шапку носи! – негромко потребовал Ждан Иваныч.

Мальчишка кинулся со всех ног домой, распугивая по дороге кур.

– Прощайте, люди добрые! – вымолвил старый кузнец. – А железо кричное оставь, Ондрей, себе.

От печки юркнула Анна. Она вынула из зыбки раскричавшегося малыша, чтобы не мешал говорить, но этого уже не требовалось. Ждан Иваныч уверенно, как в своем доме, взялся, не оборачиваясь, за скобу и тяжело шагнул за порог.

Глава 6

На дворе потеплело. Это было заметно по всему: по ребячьим крикам, по грачиной сутолке на березах, по тому, как ревела, почуя тепло, голодная скотина в хлевах, а особенно по радостному и очень звонкому перестуку молотов и наковален. Этот перестук весело вырывался на улицу из раскрытых настежь кузниц на Пушкарихе, на Кузнецкой улице – во всех трех десятках кузниц. Трудилась кузнецкая сотня, и не было надежней и величавей звуков, чем этот перестук тяжелых молотов.

День разгорелся, и хотя снова набежали откуда-то утренние, всегда неожиданные облака, по всему было видно, что ненавистного дождя нынче не будет. Да если бы он и собрался, если бы и накатило из-за Сухоны грозу, Ждан Иваныч не обрадовался бы, не испугался: он бы ее просто не услышал.

Стрелец торчал около избы Виричевых. От скуки он просек в березе кору и, припав на одно колено, опершись рукой на длинное древко алебарды⁴⁷, лизал сок – последний сок: скоро распустится листва. Увидев старого кузнеца, стрелец поднялся с земли и пошел навстречу.

– Чего хоронишься? – спросил стрелец.

– А-а, это ты, Филька? Вместо пристава, что ли?

– Да мне что! Я не по своей воле. Воевода послал: иди за Виричевым!

Выделка глиняных игрушек была подсобным промыслом в семье стрельца. Конечно, более доходным было курение вина. Оно разрешалось стрельцам лишь под праздники, но редко кто не занимался этим делом ежедневно и не держал тихонько от властей корчму в подклети. Опасное это дело – корчма, но стрельцу дыба не грозит, на кол не посадят. Ну, получит палок, покается, отлежится – да опять за свое. Сослать только могут в другой захудалый город, вроде Тотмы или Вологды, года на три. Да что ему три года? На доход от корчмы сундуки его набиты всякой рухлядью – до смерти хватит. Ведь не раз попадался и в острог волокли под приставом, а отвез сундук воеводе да забыл из двора стрелецкого головы выгнать десяток своих овец – вот и снова гуляет.

Ждан Иваныч взглянул на опухшее от вина лицо молодого стрельца и не позавидовал его сытой жизни. Однако наклонился к низкорослому служаке, задев бородой за красный вершок его шапки, и доверительно спросил:

– Почто ведешь?

– Не велено знать! – заученно ответил стрелец. Он поправил шапку, одернул потасканный кафтан, повелительно потребовал: – Ступай наперед!

– И домой не зайти?

– Велено скорей. Ступай!

Стрелец вскинул алебарду на плечо и сразу начал входить в служилый раж: побагровел, засопел, закричал.

Пришлось идти.

В конце Кузнецкой улицы их догнали Шумила и Алексей. Ждан Иваныч взял у внука шапку, потом посмотрел на Шумилу, хотел поговорить сразу о многом, о том важном, что может ему пригодиться, если – не ровён час – не вернется, но не сказал: отточенное лезвие алебарды нетерпеливо качнулось у самого виска.

– Иди, Шумила, в кузню, докали наконечники, а то стрелецкий голова поминал намедни, – только и сказал старый кузнец, а внуку наказал: – Помогай батьке.

Тут он заметил, что в переулок торопливо вышли и тотчас остановились в отдалении Андрей Ломов и Анна. И она не усидела! Бежали, должно быть. С головы Анны съехала синяя

⁴⁷ Алебарда – старинное оружие, фигурный топорик на длинном древке.

повязка, в которой она ходит в церковь, по-домашнему обнажилась красивая русоволосая голова.

– Поторапливайся! – толкнул стрелец.

На ходу старый кузнец оглянулся: стоит Анна чуть позади мужа, подперла щеку ладонью, изогнув высокую шею, и вроде замутилась слезами – не видно издали – синь большеглазая. «Что Богородица стоит! – не вовремя подумалось старику. – Нет, нельзя ходить к ним Шумиле».

Вышли на Широкую улицу, свернули направо, вдоль глухих заборов. На солнечной стороне было суше. От земли уже пахло первой травой, дышали теплом позеленевшие плахи заборов, радостно кудахтали куры, а где-то очень далеко, по тотьмовской дороге, последние песни добулькивал тетерев. Старик знал: оденется березка – и до следующей весны замолчит, отгуляет свое рябая тетерка. Каждую весну повторяется заново эта жизнь. Сколько было таких весен у старого кузнеца, он и сам не помнит, только знает, что не изошла у него радость от всего этого, не иссохло старое сердце.

Ждан Иваныч наклонился, взял из-под забора пригоршню земли, помял в ладони и понял: еще немного красных денечков – и пойдет в борозду соха. Запасайтесь, мужики, накованы новые! На всех хватит...

Перешли земляной мост, свернули налево. За тополями, за высоченным круглобревным забором, темнели хоромы татарского наместника. Давно он уж не наместник, а торговец, как и его отец. Еще дед его потерял власть в старом Устюге, на том, на правом берегу Сухоны, а когда Иван Грозный повелел быть Великому Устюгу на высоком, на левом берегу и все, боясь послушаться, снялись со своих мест и стали перебираться сюда, перевез свое золото и татарин. Давно он обрусел, еще в третьем колене, женат на русской, а всё зовутся его высокие хоромы замком.

Наконец зашли за строения гончара Пчёлкина. Сам хозяин увидел кузнеца через дыру обветшавшего забора, вышел за ворота в измазанном глиной фартуке, снял шапку и молча поклонился. Хороший мужик. В прошлом году на правёже стоял за неуплату податей, пока мудрил с глазурью для новых изразцовых плиток. Теперь товар пошел лучше иноземного. Рассчитался с долгами. Сына женил. Второго женил. Копейка завелась, а не горд... Далеко, шагов за сто, отошел кузнец со стрельцом, и только тогда хлопнула калитка: Пчёлкин стоял, вслед смотрел. Видно, к сердцу принял чужое несчастье.

Стрелец ударил алебардой плашмя по левому плечу старика, только блеснуло отточенное лезвие.

– Поворачивай!

На небольшой площади, у столба, прямо перед съезжей избой, толпилось десятка два зевак, любителей посмотреть на чужую беду. Человек – лица его не было видно – был, как обычно, привязан к правёжному столбу. Стоял он в шапке и в зипуне. Поодаль, на чурбане, пристроился выборный судейка, Клим Воронов, из дворянских детей. Он держал охапку палок, торчавших выше его головы в круглой, отороченной мехом шапке. Судейка был известный щеголь, он даже на это обычное для себя и люда дело пришел в новой чуге⁴⁸

⁴⁸ Чуга – вид кафтана для конников.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.